

КОЛОРАТИВЫ В ПОЭЗИИ В. А. КАРПОВА

В стихотворениях В.А. Карпова тесно переплетены поэзия, музыка, живопись. Его стихи наполнены звуками, расцвечены красками: *Начнется пытка цветом, звуком, словом* [1, с. 154]; *Был светел мир и чист, / звенел от звуков. Тяготея к краскам, он задавался целью уличить / царя природы в том, что жизнь прекрасна!* [2, с. 61]; *Цвет слова — часто поза, реже — польза* [2, с. 104]; *И вот тогда-то лира нам открывает зрение и слух* [1, с. 154].

Искусство слова и изобразительное искусство идут рядом: в сборнике «Дао» книга «Ремесло» содержит целый цикл стихотворений под названием «Рисунки» («Сангина», «Пастель», «Карандаш», «Уголь», «Масло», «Игла», «Гвоздь»).

Из поэтических сборников «Амальгама» и «Дао» нами извлечены методом сплошной выборки лексемы, принадлежащие тематической группе «Изобразительное искусство» («Живопись»). Данная тематическая группа представлена 74 лексическими единицами (173 словоупотреблениями), которые в свою очередь объединяются в несколько разрядов:

- 1) лексемы, называющие субъекта действия, творца: *художник*;
- 2) лексемы, называющие инструменты и материалы художника: *мольберт, палитра* (2), *сангина, пастель, карандаш* (2), *уголь, тушь* (2), *масло, игла, гвоздь, полотно*;
- 3) лексемы, обозначающие тон, колорит: *краски* (10), *оттенки, цвет* (5), *кран*;
- 4) лексемы, называющие графические знаки: *точка, линия, завиток, узор*;
- 5) лексемы — названия результатов труда художника: *рисунок* (3), *витраж*;
- 6) названия цветов:
 - 6.1. Микросистема **белого** цвета (28 словоупотреблений): прилагательное в полной форме *белый* (16), прилагательное в краткой форме *бел* (7), *белое* (субстантив), *белые* (субстантив), *белизна* (2), краткое страдательное причастие среднего рода *забелено*;
 - 6.2. Микросистема **черного** цвета (23 словоупотребления): прилагательное в полной форме *черный* (8), прилагательное в краткой форме *черен* (3), прилагательное в форме сравнительной степени *чернее* (3), существительные *чернь* (3), *чернота* (2), *чернозем, чернокнижье, черновик*, наречие *вчерне*;
 - 6.3. Микросистема **синего** цвета (16 словоупотреблений): прилагательное *синий* (4), существительные *синь* (5), *синева* (4), *синька, синяк*, глагол *синеть*;
 - 6.4. Микросистема **голубого** цвета (12 словоупотреблений): прилагательные *голубой* (10), *васильковый*, существительное *голубизна*;
 - 6.5. Микросистема **серого** цвета (14 словоупотреблений): прилагательные *серый* (2), *седой* (5), *седенький, седебородый, сизый*, существительные *седина, серость* (2);

6.4. Микросистема **красного** цвета (14 словоупотреблений): прилагательные *красный* (9), *червонный*, *рыжий*, *розовый*, субстантив *красные*, существительное *краснодеревщик*;

6.5. Микросистема **желтого** цвета (14 словоупотреблений): прилагательные *желтый* (4), *ярко-желтый*, *золотистый*, *золоченый*, *бронзовый*, *золотой*, *оранжевый*, существительное *бронза*, причастие *пожелтевший*, деепричастие *пожелтев*, глагол *позолотить*;

6.6. Микросистема **зеленого** цвета (8 словоупотреблений): прилагательное *зеленый* (4), краткая форма прилагательного *зелено*, субстантив *зеленые*, существительные *зелень*, *изумруд*;

6.7. Микросистема неопределенного цвета (4 словоупотребления): *пестрый*, *невыветивший*, *цветастый*, *радужный*.

Самые многочисленные семантические подгруппы образуют ахроматические цвета — белый и черный. По разнообразию представленных в стихотворениях оттенков выделяется микросистема желтого цвета (8 оттенков). Из лексико-грамматических разрядов колоративов преобладают имена прилагательные.

Достаточно регулярно колоративы используются в прямом значении — для обозначения цвета какого-либо объекта: прямое значение корневой морфемы *бел-* 'цвета снега, молока, мела' реализуется в контекстах, связанных со снегом, с листом бумаги, стенами больничных палат: *Снега. Наверно, белый сон* [2, с. 73]; *Сегодня все снежком забелено* [2, с. 162]; *Осени мой рабочий престол, / белизна полуночного снега* [2, с. 164]; *А бела — невозможно... / с первым снегом сравнить* [2, с. 176] — о голубке; *И зачем так белы / стены этих палат?* [2, с. 178] (в последних двух примерах подчеркивается предельно высокая степень проявления признака); голубой и синий цвета характеризуют море, небо, васильки, почтовый ящик: *Беспарусный заглохший катер / причалит в море голубом* [2, с. 36]; *Над головою глубина, / голубизна большого неба* [1, с. 129]; *И были спокойны думы его, / и взгляд, заплутавший в небес синеве* [2, с. 152]; *К утру во всем почти затишье, / и музыка, уже неслышной, / раздвинет неба синий свод* [1, с. 140]; *И звоном полнится казна — / мой голубой почтовый ящик* [2, с. 68]; *... взойдут в овсе! / В маках! / Синими васильками* [1, с. 2]; зеленый связывается прежде всего с растительным миром: *... вся зелень, которую ветры листают* [1, с. 175]; *А изумруд газонов так обманчив!* [1, с. 106]; серый цвет часто ассоциируется с землей, с седыми волосами: *И в поле серый бугорок, / и клена ствол в коре шершавой* [2, с. 17]; *И даже секреты нечитанных книжек — / твои! — а не седеньких этих старушек* [1, с. 175].

Но чаще в результате функционирования в авторском тексте колоративы «обрастают» дополнительными смысловыми наслоениями:

1) приобретение колоративом символического значения:

– белый цвет выступает символом чистоты: *О юность — помыслы чисты, / как белый ватман* [2, с. 11]; символом смерти: *Если к смерти — / бела рубаха* [2, с. 154]; символом девственности, непорочности: *Фата — еще не саван — так бела!* [1, 98]; символом нового, начала чего-либо: *И жизнь, что белый лист, / стихом начаться хочет* [2, с. 168];

– черный цвет ассоциируется со всем низким, коварным, мрачным, тяжелым, преступным: *Но против черной плесени фашизма — / да будет свет!* [1, с. 107]; *Черны и речка Черная, и выстрел* [1, с. 183]; *Все чернее гороскоп* [2, с. 168];

– серый цвет и его оттенки символизируют древность: *От времени — лишь пыль седая* [1, с. 10], приобретают сакральное значение: *Седобородый, как апостол* [1, с. 48], *Знать, верно, Бог тебя послал / седой, всевышний* [1, с. 65], становятся синонимами обыденности, посредственности, уныния, безысходности: *В этой тьме и серости больничной* [2, с. 175];

– красный цвет — символ радости, счастья, праздника: *Если праздник — в красной рубашке* [2, с. 154];

– синий цвет выступает символом простора, необъятности: *Так, неоглядности пространства / подходит только синева* [2, с. 154]; *Каньоны. Пропасты. Фиорды. / В плену прозрачной синевы — / и там, и там все тот же ордер / природы, устремленной ввысь* [2, с. 50];

– голубой цвет — символ мечты, идиллического, ничем не омраченного состояния: *... вновь обретет забытый дар — любить, / и голубые сны запишет* [2, с. 42];

2) употребление нескольких цветообозначений в пределах узкого контекста, что способствует созданию антитезы, контраста или подчеркивает динамичность, становление признака, переход из одного состояния в другое, чередование, смену событий, разнообразие красок: *То белый, то черный сон* [2, с. 97]; *Здесь есть возможность <...> / узнать рассвет во всех оттенках / от красного до черноты* [2, с. 33]; *Как пристальна река! Как глубока / то синь, что чернь придирчивого взгляда!* [2, с. 107]; *Розовое в красное сажей подрумянили!* [1, с. 38]; *Когда остынет имя на губах / твое, или другое, голубое, / оранжевое, светлое, любое ...* [1, с. 169]; *Зеленый шум стал желтым шумом* [2, с. 75]; *Тьмы и сини / не объяснить и не обнять* [2, с. 97];

3) колоратив выступает маркером принадлежности к политической или общественной организации (при субстантивации прилагательных): *Ах! / — как шили из пулеметов / Белых-красных-зеленых — всех!* [1, с. 21].

В большинстве случаев можно говорить об индивидуально-авторском употреблении колоративов. Нами отмечены следующие особенности использования цветообозначений в стихотворениях В.А. Карпова:

1) функционирование колоратива в качестве постоянного эпитета, часто в составе устойчивого оборота: *среди бела дня* [1, с. 8]; *И осень — та же, золотая* [1, с. 168]; *Помолчим. Я знаю, что был / ясьень мой, сизый сокол мой* [2, с. 184]; *На планете — такой голубой — / только два удивительных сна* [2, с. 25];

2) функционирование в составе имени собственного: *Русь ты моя Белая, приволье* [2, с. 139]; *Черны и речка Черная, и выстрел* [1, с. 183]; *Помнишь, в Вологде / Красный мост?* [2, с. 124]; *Я высрал Отчаянье, Синюю Бороду* [1, с. 160];

3) употребление в составе перифраза: *В этом белом государстве / вы — нежнее всех повязок* [1, с. 139] (белое государство — больница); *Желтый Будда, смешной божок* [2, с. 109], *Мильоны ярко-желтых парашютов / заполняют тропки, клумбы, сад* [1, с. 106] (об одуванчике);

4) усиление экспрессии, воздействующей силы сказанного в результате взаимодействия колоративов с другими разноуровневыми изобразительно-выразительными средствами: а) аллюзиями: *Тихий сад. Белых яблонь дым* [2, 26] — аллюзия на есенинские строки *Все пройдет, как с белых яблонь дым*; б) повтором: *Над белым покоем прошедшей зимы, / над белым покоем, над белым покоем, / в ночах растворяется чудо такое* [2, с. 80]; в) паронимической аттракцией: *Беда — бела, была, бела* [1, с. 98]; *Вой, ветер, свист, стук, стон / над крышкой черной* [1, с. 99]; г) трансформацией фразеологизма (его расширение за счет дополнительных компонентов, замена компонента, буквализация значения, столкновение в одном контексте прямого значения свободного словосочетания и переносного значения устойчивого оборота): *В кулаке зажatom синица? / Или белый журавлик в небе?* [2, с. 26]; *Ликуй, седая, белая ворона!* [2, с. 163]; *А пишешь мелом ли по белому, / простится — стипшут на ребячество* [2, 162]; *Прячу молодость в золе. / Молодо и зелено* [1, с. 38]; *Я трачу их. Нет смысла приберечь / на черный день: их не бывает, черных* [1, с. 121];

5) использование колоративов в метаязыковой функции: *Заглавных букв записка — на крови, / и на полях ошибки — цветом красным* [2, с. 21]; *Где красная строка?! — И снижен балл* [2, с. 104]; *Есть магия у чисел и имен. / Блуждая в лабиринтах чернокнижья, / измучишься, пока свои поймешь* [1, 103]; *Что наша жизнь? Почти черновики* [1, с. 183];

6) метафорическое употребление колоративов для характеристики абстрактных понятий: *На седую мою душу / светлая случилась* [1, с. 174]; *... очнись в этом желтом шуме* [2, с. 75]; *И голубая пустота / напоминает дым кочевий* [1, с. 145]; *Когда еще <...> птицы напоют нам / о том, что дыханье весны — голубое?* [1, с. 169].

Исследование цветового наполнения поэтического творчества Владимира Александровича Карпова подтверждает мысль о том, что колоративы являются одной из форм художественного познания и идейно-эстетического отражения действительности, реализуют органическую связь содержания и формы, идеи и стиля, выступают ярким средством экспрессивизации художественного текста.

Цветообозначения в поэзии В. А. Карпова выполняют следующие функции: 1) передача свойств объектов окружающей среды; 2) отражение авторского мировидения и мировосприятия; 3) создание определенного эмоционального настроения, общего фона стихотворения; 4) символизация колоративов.

Цветовой мир проанализированных стихотворений многолик и разнообразен и характеризует их автора как человека, любящего и ценящего жизнь. Владимир Александрович, как и его великий предшественник А.А. Блок, мог бы воскликнуть: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, В. А. Амальгама : стихотворения. — Минск, 2000.
2. Карпов, В. А. Дао : стихотворения. — Минск, 2008.